

Хаусхофер К. Панидеи в геополитике

Karl Haushofer, Geopolitik der Pan-Ideen ("Weltpolitische Bücherei". Bd 21. Berlin, 1931)

ГЛАВА II

Пан-Азия – Евразия – Пан-Европа

Прочитавший этот заголовок может по праву возразить: ведь пространственно-исторический анализ возможности осуществления панидей на реальной почве должен в сущности принимать во внимание традицию изображения пяти привычных частей Света, тем более что она последнее время оспаривается Банзе, Обетом, политической сектой евразийцев¹ и др.

Фактически уже с 1900 г. мы находим первую в государственно-правовом смысле консолидированную часть Света – Австралию, первую претворенную в жизнь континентальную панидею лишь в этой пятой части Света, следовательно, вне рамок так называемого Старого Света, равно как и первую организованную на основе международного права пан-Америку. Однако так называемому Старому Свету до сих пор не удалось прийти к схожим устойчивым объединениям, и прежде всего потому, что от его оспариваемых переходных ландшафтов по окраине восточной части романского Средиземноморья исходит пространственно-политическая борьба панидей, бросающая из прошлого свои тени на нынешние возможности образований. Эти тени падают сюда от первых схваток между сухопутной (континентальной) и морской (океанской или, вернее, талассийской)² панидеями, а именно от первого паназиатского рывка (Anlauf) к Персидской мировой империи и от первой хотя еще и не панъевропейской, но все же панэллинской оборонительной борьбы, которая затем в противодействии идее господства на море некоей восточно-средиземноморской державы переросла в блеск походов Александра Македонского и расцвет эллинизма, затем мировой Римской империи с сильной эллинистической основой.

При этом мы – вопреки нашему собственному убеждению – были несколько щедры с обозначениями “мировая империя”, “часть Света”, потому что не у нас, а у большинства европейцев все еще преобладает и поныне устаревшее, ложное понятие так называемой европоцентристской всемирной истории, ограничивающейся в сущности лишь историей Средиземноморья, тогда как следовало бы видеть и обозреть мир, взятый в целом. В таком случае масштаб панидей древности – несмотря на их принципиальное значение и влияние вплоть до сегодняшнего дня

– существенно уменьшается. Но это принципиальное значение создания некоей первой теории панидей, как и влияние на наше время, все же имеет своим истоком их первое столкновение в регионе переходного ландшафта между Азией и Европой – персидские войны³. Именно в его ходе возникли – подобно судьбоносному слогу “пан” для обозначения народного духа и земного пространства – первые основные понятия, связанные с осуществлением панидей, складыванием самоуправных (eigenwilligen) государственно-политических образований – от свободного государства типа греческого полиса до действующих на основе международного права союзов, консолидации гетерогенных культурных кругов (как шумеро-месопотамский, египетский, индо-серийский⁴, иранский) в монархические пространственные образования с общим коммуникационным и государственным правом, как в Персидской мировой империи. Пусть останется ей поэтому гордое название первой мировой империи, ибо она первая соединила друг с другом три главных исторических народных ядра человечества – европейское, индийское и восточно-азиатское, хотя и лишь путем контактов с окраинными землями и преходящим включением окраинных ландшафтов.

По сути дела некоторые основные процессы, еще и сегодня создающие главную трудность для оправданного разделения или для более глубокой связи на пути движения идей – пан-Азия – Евразия – пан-Европа, обнаруживаются уже в фундаменте Персидской империи и ее культурного круга: не преодолимые ее динамикой и статикой, взорвавшие в конце концов ее союз силы. Когда позже эллинизм выступил в рамках этой великой империи в роли преемника власти и (согласно “Законам пространственного роста государств” Ратцеля) должен был на ее почве обосноваться и ей уподобиться, тогда панэллинскому Зевсу пришлось не лучше, чем ранее великому монарху Ирана. Античная техника коммуникаций была недостаточной для устойчивого закрепления огромных пространств, и гений Александра Македонского расплылся, – найдя, разумеется позже, причудливое историческое возрождение в идеях ислама о власти и в македонском вопросе. Правда, его македонцы имели мало общего с их нынешними славяно-болгарскими наследниками в центральном балканском ландшафте⁵. И тем не менее эти послед-

ние живут в отблеске первого, довольно-таки брэнного соединения Ату и Эреба⁶ в некоей евро-азиатской панидее, так что ее полемическое произведение “La Macedonie” (“Македония”) воспринимается с большим благоговением, чем его обычно проявляют балканские меньшинства. Здесь первый луч света падает на призрачное вторичное появление кажущихся мертвыми панидеей в современной истории и – в хвалебных песнях (Kant).

Но обольстительный блеск образа самого великого македонца (который еще и сегодня обеспечивает македонскому вопросу большее международно-политическое внимание, чем то, каким, например, пользуется украинский, несмотря на огромное различие между обоими, учитывая численность и силу [соответствующих народов], кроется обоснованно в том, что в своем крайне преходящем пространственном творении Александр Македонский соединил то, что пространственный инстинкт его времени признавал несовместимым на длительный срок с техническими средствами античности: центральный ландшафт обширной степи и периферийное восточно-средиземноморское побережье и островной мир эллинов – две разноустремленные пространственные стихии, и что он устрасил третью пространственную стихию – властителем которой не стали ни центральный Иран, ни периферийная Средиземноморская империя и от которой для обоих позже пришла гибель из-за гениального заблуждения на двух окраинах – на Дунае и Яаксарт⁷, – так что эта стихия, а именно зона сармато-скифских невосприимчивых к образованию и порядку странствующих бродяг, не повредила его ставшей эфемерной панидее!

Однако в ее неприязненном отношении как к периферийной Европе, так и к способной к образованию Центральной Азии, ко всем прочным, длительным связям враждебной по форме стихии таится исходный пункт того, что в XIX и особенно в XX в. имеют обыкновение понимать под евразийским движением. Собственно говоря, необходимо различать великоевразийскую и младоевразийскую (евразийскую) точки зрения. К первой следовало бы отнести ту, которая рассматривает Европу всего лишь как одну из важнейших крупных структур, полуостров-колыбель народов наряду с Аравией, Индией, Восточной Азией. Эта точка зрения обнаруживается многократно представленной в паназиатском движении, а также в весьма крупнопространственных воззрениях из сферы Советского Союза – и она лежит в основе предостережений тех географов, которые полагают, что значимость Европы как части Света вовсе не в документально подтвержденном пространстве, а в ее способнос-

ти постоянно обновлять полученное наследство, имеющее духовную устойчивость.

Собственно евро-азиатская школа “евразийцев” прежде всего отсекает Россию от Запада (Abendland) и устремляет взор на Восток, следовательно, желает по-иному провести границу Европы, а именно не по Уралу или болотно-лесной зоне Припяти, а между Финским заливом, Чудским озером и устьем Дуная, оказываясь, стало быть, в антагонизме и с панславизмом, и с европейскими склонностями сарматов⁸.

В большой трудности провести убедительную границу между Европой и Азией, в противоречии с намного легче покоренной оформившимися в пространственном отношении панидеей переходной зоной между Азией и Африкой (которая, разумеется, также от Суэцкого канала примерно до рубежа Петра – Акаба является зоной сверхнапряженности!) – зерно проблемы Евразии и трудность соглашения (Auseinandersetzung) между пан-Азией и пан-Европой. Новейшая история культуры, изучавшая североазиатский миграционный пояс, простирающийся от Маньчжурии До Карпат, по праву рассматривает его как обширное единство, подверженное перемещениям, но бедное убедительными разграничениями. Этот миграционный пояс как трасса переселения народов и перемещения идей контактного метаморфоза простирается к первому затору на подобном бастиону выступе Карпат и ступенчатым землям Дуная, вдоль Среднегерманских гор, отсекая Гарц, и далее к Кельнской и Мюнстерской низменностям, к Рейну и вдоль фламандского Коленвальда к морю. Понтийские странники растительного и животного мира проникают в узкие полосы земли, а также в плоскогорья южнее, вплоть до Бургундских ворот, до рубежа Рейн – Рона. Здесь осаждаемый при случае бродячими ордами сарматов нордический и средиземноморский человек сражается более двух тысяч лет, будучи не в состоянии установить постоянные пограничные рубежи. Фробениус⁹ прозорливо показал, как сталкиваются друг с другом на этом разделе заложенные с благой целью границы культурного круга, как велика постоянная опасность того, что на Рейне будут проходить решающие схватки по поводу образований пан-Азии – Евразии – пан-Европы в культуре, власти и экономике.

Сегодня мы называем удачно выбранным термином “Промежуточная Европа” (Zwischen-europa) ту ее часть, которая расположена между обращенным лицом к пан-Азии и спиной (Rückfront) к Европе Советским Союзом и сильно пронизанными романским духом творениями нордических рас во Внутренней Европе с зоной руин (примерно та, которую называет минералог

Вресциен) сарматской закладки, европейской отделки, и мы тем самым вводим себя в заблуждение о том, что “Восточная Европа”, лежащая за “Промежуточной Европой”, уже давно больше не ценит европейские связи, и меньше всего некую пан-Европу.

*Трудности разграничения для Евразии
и Промежуточной Европы*

- Evangelische und romisch-katholische Christen – евангелические и римско-католические христиане
- Griechisch-orthodoxe Christen – греко-православные христиане
- Darüber hinaus der lateinischen Schrift – в дополнение к этому латинский шрифт
- Ostgrenze beider nebeneinander (in Finnland) – восточная граница сосуществования обоих (в Финляндии)
- Ostgrenze deutscher Verkehrssprache i. Handel – восточная граница немецкого языка делового общения в торговле
- Warägischer Grenzsaum – пограничное предполье варягов
- Mohammedaner – пограничное предполье мусульман

Но Восточная Европа не только понимает, если очень хочет ввести в заблуждение, но и поняла, как умело сглаживать различия между пан-Азией и русским империализмом под личиной Советского Союза, так что под тем же самым флером¹⁰ появляется то облик загадочного сфинкса паназиатского вопроса, то хорошо знакомый старый панславизм. Ведь искусная игра широкой русской природы со слишком непосредственно преподнесенными Западом или Востоком идеологиями, ее склонность к софистике в угоду сиюминутной политике и использование азиатской затаенной обиды (Ressentiment) отнюдь не новы. На этот знакомый, умный прием азиат попадаетея реже, панъевропеец, напротив, чаще, ибо он вновь и вновь превратно истолковывает неожиданное сосуществование рядом друг с другом мистики и легкомыслия, свойственных восточноевропейским смешением рас.

Однако большое различие, наброшена ли всерьез в масштабе Евразии на несовершенные творения Земли огромная драпировка платонической идеи и она почти подавлена, или же эта драпировка используется лишь в качестве обманной завесы, подобной покрывалу Майя¹¹, которое спадает, если под его защитой прекратился излюбленный, в высшей степени земной панславистский или великорусский или же большевистский промысел: будет ли манипулировать покрывалом ясновидящий или шарлатан.

Рассмотренные в таком свете взгляды “евразийцев”, о чем нам поведали Н.С. Тимашев¹² или доктор Н. фон Бубнов, – это в одном случае взгляд, пожалуй, даже серьезный, честный и высокоценимый, а в другом – ловко используемый занавес, промежуточная кулиса, прикрывающая опасное пограничное предполье между пан-Азией и пан-Европой как раз в самых напряженных местах переходов или миграций, когда где-то воздвигнут сарматские кулисы и декорации ради новых эффектов.

Основательное резюме “идеи Евразии” предлагает Ф.-В. фон Бергхоф¹. Он определяет сферу “Евразии” как пространство между образуемой Чудским озером – Неманом и Днестром западной границей, азиатскими складчатыми горами и Северным Ледовитым океаном с четырьмя большими длинными полосами – тундра, лес, степь и пустыня – пространство, которое довольно точно изображает Макиндер как “центральную ось истории” древних степных империй.

В этом созвучном широкой душе восточного славянина пространстве евразийцы воздвигают свои воздушные замки будущего, в равной мере отходя и от западноевропейской и от азиатской культуры, хотя и с противостоящей в религиозном отношении Советам, но родственной геополитике.

литически идеологией, с совещательной надстройкой при избираемом декоративном царе, с непреложностью церкви, с культурной и экономической автаркией: пока мечта эмигрантов!

Иными словами, такие взгляды евразийцев подталкивают по сути дела к тому, чтобы внушать русским полный разрыв с Европой; это способствовало бы четкому разграничению между расположенными друг против друга крепостями Ордена тевтонских рыцарей и сарматотатар на Нарве вдоль Чудского озера и болотно-лесной зоны до пояса Черноземья – если не дальше к югу, между Днестром, Бугом и Дунаем, где в точно определенном фон Улигом бессарабском пространстве было бы невозможно прийти к согласию, и если на другой стороне панславистские притязания и мечты о распространении мировой революции, хотя бы на Запад, а советско-российские претензии в направлении Азии, далеко за пределы рубежей Советов, не переходили бы границы статус-кво в паназиатской, равно как и в коммунистической, агитации.

Но так как пан-Азия, соприкасающаяся на Востоке и Юге с Советским Союзом, беззащитно провозглашает и утверждает свое право на революционизирование на Аравийском полуострове, в Индии, Китае, а пан-Европа в проповедях Бриана¹³ и Куденхове-Калерги точно так же, как и Священный союз Меттерниха¹⁴, сделала ставку на сохранение status quo и во всяком случае взяла на себя ответственность за французские и голландские владения внутри пространства, на которое претендует пан-Азия (Сирийский мандат, Индонезия, Индокитай); так как Лига Наций по крайней мере воспротивится насильственному вмешательству враждебной силы в британские владения в Азии, то нельзя предвидеть заранее, как сможет квиетическая (пассивная), выдуманная эмигрантами евразийская идея посредничать путем дистанцирования (Abkehr) между пан-Азией и пан-Европой. “Кротость не годится, чтобы разнять ухаей”, но этого, пожалуй, достаточно, чтобы показать многим панъевропейцам, не сгущая краски, сколь сурово паназиатское лицо Советов, Университета имени Сунь Ятсена в Москве, своего рода гениальной организации ячеек в девятнадцати советских районах в Китае¹⁵, пассивного, а на самом деле весьма активного сопротивления в Индокитае и Индии. Лишь в Персии, Афганистане и Ангоре¹⁶ паназиатская деятельность Советов носит более мягкий характер и не занимается тем, чем могла бы, без сомнения, заниматься и там.

Причина этого в том, что Ближний Восток с его нынешней во многом глубоко феодальной структурой (общую динамику этого региона нам столь точно изображает Ганс Кох) в Москве

считают не созревшим ни для хозяйственного, ни даже для политического использования в интересах какой-либо панидеи, но что эту структуру можно разрушить ранней индустриализацией (по образцу поспешных реформ Амануллы-хана¹⁷ в Афганистане), а затем, используя метод большевистских ячеек, во влиятельных кругах рабочего класса насадить социальные группы в определенных центрах власти. Следовательно, чрезмерно азиатская черта в облике Ближнего Востока мешала, наперекор Лоуренсу¹⁸ и панарабской идее, впрячь его в услужение корректируемой политикой Москвы паназиатской агитации, которая была нужна социологически восприимчивым группам.

Однако антагонизм, выросший на расовой основе, а также коммунистическое проникновение в ислам и панчаат¹⁹, были для этого недостаточны: более приемлема корпоративная организация китайского образца.

Высказанное Снуклом Хургроньесом мнение о том, что “самое плохое правительство из цветных для туземного населения всегда приятнее, чем самое хорошее европейское”, дает верный ключ к присущей паназиатской идее способности сопротивляться, которую она испытывает вследствие вытеснения азиатов, как позднее и панафриканской идеи, в ее противоречии с другими империалистическими панобразованиями, которые нанесли им обеим к настоящему времени значительный пространственный урон. Нельзя забывать, однако, что великоарабское и панисламское движение, всеиндийское, великокитайское и призрак будущей малайско-монгольской идеи, как, впрочем, и пан- или великорусское, все еще империалистическое пространственное мышление Советов в Северной и Средней Азии, стремились в полной мере воспользоваться паназиатскими идеями в качестве дополнительной тяги, но все же чтобы однажды попытаться воплотиться прежде всего за их счет.

Перед такой дилеммой оказывается любой крупный паназиатский лидер нового времени, к числу которых – наряду со столь знаменитыми и образованными, как Сунь Ятсен, индийский публицист доктор Таракнат Дас – по праву должен быть отнесен Веллингтон Ку²⁰. Среди японцев особенно выделяются М. Тояма, граф Комура, барон Макино и граф Окума. Среди индийцев, разумеется, Т. Дас, самый неразговорчивый, однако есть и способные расшифровывать заумные высказывания, например Ладжпат Рай и Бридж Нараян в Лахоре²¹, не говоря уже о Ганди²² и его окружении, но слишком индифферентных к Советам.

Напротив, передовые борцы муссонных стран пользуются, естественно, где они могут, и

пантхоокеанскими организациями, и их мощными голосами в общественном мнении, попутно содействуя паназиатским целям. Такие мотивы звучат в книге Кавакамы “Asia at the door” (“Азия у порога”), как и в умелых высказываниях китайского генерала Хуанфу о “пантхоокеанском движении”ⁱⁱ, откровенно связавшего необходимость более тесной совместной работы народов зоны Тихого океана со стремлением Китая к свободе и равенству и убеждавшего своих христианских слушателей созвучием конфуцианских и христианских проповедей наподобие “Не делай другим того, чего не хочешь, чтобы делали тебе!”. Резкое предостережение представителя Индии в Женеве лорда Литтона по поводу малой эффективности и пользы Лиги Наций для Индии и вообще для народов Востока также побудило считать ее непригодной для паниндейских или паназиатских целей.

Если основательно изучить “Weltanschauung” (“Мировоззрение”), “Die politische Lehre der Eurasier” (“Политическое учение евразийцев”) (Тимашев), то предстанут они как закутаные в шкуру панславизма паназиаты – только насвистывают они свой лейтмотив в минорном тоне, а не трубят его в мажорном, как Данилевский, – действуя до такой степени вяло и нерешительно (силы и мужества не хватало даже Толстому и Достоевскому), как и необоснованно изъясняясь и произнося речи. Строгановы²³, Ермак, Иван IV²⁴, Потемкин²⁵, Пржевальский²⁶, Ленин были пансарматами в мажоре... Это сразу же проявилось в новых захватах или повторном приобретении пространств, в то время как евразийцы – определенно вопреки желаниям – в салонах Западной Европы и на базарах Востока играли им прелюдии, настраивая на восточную мистику и открывая ворота, которые в обычных условиях были бы осмотрительно закрыты. Подтачивание исконного образа мышления теми, кто проповедует истинное христианство в соответствии с их взглядами и формой, и национальное чувство расслабленного евразийца в миноре гораздо больше содействовали панславистам и паназиатам в мажоре в их практической деятельности по приобретению пространства и земель. А кто способствует размягчению костей и мозга естественных защитников некоей панидеи в пространстве, удастаиваются чести нести вперед ей противостоящую, ее вытесняющую воинствующую мысль.

Но стремятся ли теперь представители переходной зоны Евразии в направлении пан-Европы или пан-Азии или же к той и другой или хотят проникнуть в одну из них, они утверждают, что это – широкая промежуточная зона и никакого четкого различия между обеими нет. Неверно

желание представлять жесткий антагонизм “Азия – Европа” (Т. Лессинг), скажем, в виде неутомимо подвижной, экспансивной “головы” по отношению к выступающему, постоянно получающему лишь импульсы туловищу или же вместе с Персивалем Ловеллом усматривать главную сущность Востока только в близости. Природа не следует такому грубому клише противопоставления “черное – белое”. Высокообразованные представители Азии имеют обыкновенные отвечать на такие обобщения чаще всего ссылкой на то, что почти все значительные мировые религии возникли на азиатской почве, или же достоверной констатацией факта, что огромное впечатление своей культурой и особенно своей толерантностью произвели на многих путешественников раннего средневековья арабские дворы, на братьев Поло²⁷ – Китай Хубилайхана²⁸, а на посланца [английской] королевы Елизаветы Фатипур Сикри Акбар²⁹, наконец, что изображаемая часто как типично застывшая китайская четырехтысячелетняя история являет знатоку пример многостороннего развития.

Любая “желтая опасность” пробуждает на другом конце Евразии “белую”, так же как вопль с одной стороны – такой же вопль с другой! Однако истина в том, что компромисс пан-Азия – пан-Европа ставит, пожалуй, высочайшее требование к созданию первых ступеней будущей структуры всего человечества, способных выдержать нагрузку хотя бы из-за простого численного давления по меньшей мере в ведущих слоях подлежащего уравниванию населения – свыше одного миллиарда против почти полмиллиарда (480 млн.), из коих по меньшей мере 150 млн. сомневаются в своей принадлежности к промежуточной области Малой Евразии.

Стало быть, вопрос о Евразии требует семейного выяснения для трех четвертей человечества, прежде чем они начнут стучаться в другие двери. Ныне становится очевидным, почему мы поставили вопрос о пан-Азии – Евразии – пан-Европе во главу ряда соображений о возможностях осуществления панидей: потому что фактически Европа и Азия обязаны продвинуть важнейшее решение о том, смогут ли панидей (не говоря о захолустных пространствах Земли) и впредь плодотворно сказываться на дальнейшем развитии человечества и позволят они или нет соорудить встройки между всей совокупностью Земли (очевидно, не готовой еще для единообразной структуры) и слишком малопространственными, во многом автаркическими, а поэтому нежизнеспособными пространственными образованиями.

Первое, что, разумеется, нужно сделать, – попытаться использовать старые [традиционные] части Света в качестве основания для этого.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ (с.270) “Staatsschiff” № 13 (15.V.1930). S. 512.

ⁱⁱ (с.272) “North China Herald”. 5.V.1928.

¹ Евразийство – идейно-политическое и философское течение в российской эмиграции 20–30-х годов XX в. Впервые заявило о себе выходом сборника “Исход к Востоку” (София, 1921). Его авторами и инициаторами были П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский, П.П. Сувчинский. В разработке идеологии евразийства активно участвовали также Н.Н. Алексеев, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин. В трактовке идеологов евразийства Россия – особая страна, органически соединяющая в себе элементы Востока и Запада, срединный материк между Европой и Азией (Евразия) и особый тип культуры. Евразийцы утверждали, что большевики, вопреки своим политическим целям, вывели страну на самостоятельные духовные пути, которые вскоре будут осознаны народом. В евразийстве выразилась мечта многих поколений о всеедином человечестве, сохраняющем национально-индивидуальные черты. В конце 20-х годов произошел раскол движения, а с середины 30-х годов оно прекратило свое существование. В современный период, с момента распада Советского Союза и образования России как самостоятельного государства, идеи евразийства активно участвуют в политическом процессе и частично выполняют функции мировоззренческого обоснования политических приоритетов России в евразийском геополитическом пространстве.

² Талассократия (*греч.*) – власть посредством моря или морское могущество.

³ Имеются в виду в том числе греко-персидские войны (500–449 до н.э.) – войны между объединенными силами древнегреческих полисов и Персидской державой. Закончились победой греков.

⁴ Серы (*греч.*, *лат.* Seres – шелковые люди) – у греков и римлян название китайцев, производивших шелк и известных им по контактам на внутриазиатских дорогах, где проходили караваны с шелком. Птолемей писал о серах на севере и синах на юге Китая. “Синами” называли тех китайцев, путь которых лежал по морю в страны Средиземноморья.

⁵ Македония Древняя – историческая область на севере Балканского полуострова В течение V в. до н.э. здесь сформировалось государство во главе с наследственным монархом. Окончательное оформление Македонии как централизованного государства завершилось при Филиппе II (382–336 до н.э.) которого принято считать подлинным создателем македонского могущества При его сыне Александре была покорена Персидская держава и создана мировая империя. После ее распада на возглавляемые так называемыми диадохами царства Македония стала одним из крупнейших эллинистических государств, на территории которых часто велись опустошительные войны. Вплоть до 200 г. до н.э. ей удавалось сохранить господствующее положение в Греции, со 148 г. до н.э. Македония – римская провинция, с XIV в. находилась под турецким господством, после Балканских войн 1912–1913 гг. была разделена между Сербией, Болгарией и Грецией. С 1945 по апрель 1992 г. Македония входила в состав Социалистической Федеративной Республики Югославии в качестве одной из шести республик. 8 сентября 1991 г. население республики на референдуме высказалось за независимость и суверенитет Македонии, а 17 ноября 1991 г. принятием Конституции Республики Македонии был завершён процесс оформления ее государственности.

Македонцы – наименование жителей исторической области Македония, различных по своей этнической принадлежности. В современной Македонии состав населения выглядит так: македонцы – 66,5%, албанцы – 22,9, турки – 2,3, сербы – 2, славяне-мусульмане – 2,1%.

⁶ Ату (*греч.*) – олицетворение мгновенного безумия, затуманивающего рассудок человека и богов; Эреб (*греч.*) – олицетворение вечного мрака; автор же имеет в виду связь между Востоком и Европой.

⁷ Яаксарт – древнее название Сырдарьи. Был неизвестен античному миру вплоть до поздней античности. Александр Македонский, основавший на Яаксарту Александрию Крайнюю, принял Яаксарт за верхнее течение Дона и назвал его поэтому Танаисом.

⁸ Имеются в виду народы, населявшие Сарматии. В период Римской империи это территория Восточной Европы, прилегающая к Германии или Дакии восточнее Вислы и севернее Карпат. Наряду с европейской Сарматией имелась также азиатская Сарматия, лежавшая за Доном (сарматские ворота на Кавказ), а также область сарматских язигов к югу от Карпат, между Дунаем и Тисой.

⁹ См. примеч. 13.

¹⁰ Скрывающая пелена, которая мешает ясно видеть что-либо, покров таинственности.

¹¹ Майя (*санскр.*) – букв. “иллюзия”, “видимость”, “обман”, понятие из индийской философии веданты, согласно которой реальный эмпи-

рический мир – лишь иллюзорное проявление абсолютного духа, бога Брахмы.

¹² Тимашев Николай Сергеевич (1886–1970) – социолог, правовед, историк. В 1914 г. получил в Петербургском университете степень доктора права, в 1918 г. стал профессором университета. С 1921 г. жил в эмиграции в Германии, сотрудничал в ежедневной газете “Руль”, выходившей в 1920–1931 гг. в Берлине (редактировалась лидером кадетской партии Г.В. Гессеном и В.Д. Набоковым), и в других изданиях. Читал лекции в университетах разных стран. Считается одним из основателей политической социологии. Его “Теория социологии” (1955) стала во многих странах официальным университетским учебником.

¹³ Бриан Аристид (1862–1932) – французский государственный и политический деятель; автор проекта создания пан-Европы.

В конце 20-х – начале 30-х годов вновь ожидалось панъевропейское движение (см. примеч. 9. С. 239), получившее поддержку на правительственном уровне в виде так называемого плана Бриана. В 1930 г. Аристид Бриан выступил с идеей создания европейского федерального союза и обратился к 27 европейским государствам с таким призывом. По сравнению с предложениями Куденхове-Калерги (см. примеч. 9. С. 239) план Бриана был более реалистичным, ибо опирался на реальное развитие Европы и соотношение сил в ней. Согласно замыслу Бриана, новый союз должен был представлять собой некую конфедерацию европейских стран с целью их экономической интеграции и политического взаимодействия. В нее не должны были входить США и Великобритания как не-континентальные государства, а также Советский Союз, якобы не являющийся европейской страной. Бриан стремился тесно соединить создаваемый союз с Лигой Наций. Однако большинство европейских стран отвергло инициативу Бриана. [с.275]

¹⁴ Священный союз – договор о союзе между императорами России и Австрии и королем Пруссии. Заключен 26 сентября 1815 г. в Париже. Имел своей задачей охрану мирового порядка, созданного договорами 1815 г. (Венский конгресс), и взаимную помощь европейских монархов в борьбе с национально-освободительным движением. К первоначальным участникам Союза примкнули затем все европейские монархи. Вследствие противоречий между державами и развития революционного движения фактически распался уже в конце 20-х – начале 30-х годов.

Меттерних Клеменс (1773–1859) – австрийский государственный деятель и дипломат. В

1821–1848 гг. – австрийский канцлер. Будучи председателем Венского конгресса 1814–1815 гг., добился принятия решения о создании Германского союза во главе с Австрией. Стремился изолировать Россию и заключил против нее Тройственный союз во главе с Великобританией и Францией.

¹⁵ В 1928–1930 гг. в ряде районов Китая были созданы контролируемые коммунистами территории, где сформировались Советы. В 1931 г. в Жуйцзине был созван съезд Советов, образовавший Китайскую Советскую Республику, просуществовавшую, однако, недолго.

¹⁶ Старое название Анкары.

¹⁷ Амманула-хан (1892–1960) – афганский король в 1919–1929 гг. Возглавил освободительную войну против Великобритании, добился полной независимости Афганистана, его реформы способствовали развитию экономики и культуры страны.

¹⁸ Лоуренс Томас Эдвард (1888–1935) – британский археолог и писатель, мастер угодных Лондону заговоров и переворотов на Ближнем Востоке. Получил известность под именем Лоуренса Аравийского. Будучи британским агентом в Арабском бюро в Каире (отделение “Интеллидженс сервис”), завязал контакты с Хусейном ибн Али, правителем Мекки из династии Хашимитов, и в мае 1916 г. организовал успешное восстание арабов против Османской империи. Разрабатывал идею захвата Ближнего Востока и создания на арабской территории “цветного доминиона” в составе Британской империи. Свою полную приключений жизнь на Ближнем Востоке (1910–1916) Лоуренс впоследствии описал в книге “Семь столпов мудрости” (1936).

¹⁹ Панчат (букв. “совет пяти”) – фактически совет из любого числа лиц. В сельских общинах Индии – орган общинного самоуправления, возглавляемый сельским старостой.

²⁰ См. примеч. 6.

²¹ См. примеч. 5.

²² См. примеч. 87.

²³ Строгановы – крупнейшие русские купцы и промышленники XVI–XX вв. Наследники казачьего атамана Аникая Федоровича (1497–1570), были организаторами похода Ермака (1581 г.), начавшего освоение Сибири Русским государством.

²⁴ Иван IV Васильевич Грозный (1530–1584) – великий князь “всея Руси” (с 1533 г.), первый русский царь (с 1547 г.). При нем были покорены Казанское (1552) и Астраханское (1556) ханства, в 1558–1583 гг. велась Ливонская война за выход к Балтийскому морю, началось присое-

динение Сибири (1581), возникло Русское многонациональное государство.

²⁵ Потемкин Г.А. (1739–1791) – русский государственный и военный деятель, фаворит и ближайший помощник Екатерины II. Способствовал освоению Северного Причерноморья. После присоединения Крыма в 1783 г. к Российской империи получил титул святейшего князя Таврического.

²⁶ Пржевальский Н.М. (1839–1888) – русский путешественник, исследовал Центральную Азию, руководил экспедицией в Уссурийский

край (1867–1869) и четырьмя экспедициями в Центральную Азию (1870–1885).

²⁷ В 1260–1266 гг. венецианские купцы Никколо и Маттео Поло предприняли путешествие в страну татар, в Бухару и Китай. Однако особой заслуженной известностью пользуется Марко Поло (см. примеч. 4. С. 289).

²⁸ Хубилайхан (1215–1294) – пятый монгольский великий хан (с 1260 г.), внук Чингисхана. В 1279 г. завершил завоевание Китая.

²⁹ См. примеч. 8.